Содержание

Отец на стажировке 5

Шериф приморского городка:
пляж, вино и двойное дно 175

Отец на стажировке

Глава первая, о проклятиях и о том, что разгневанная женщина всегда немного ведьма

«Уложение оборотней о семье и доме» дает подробные и исчерпывающие указания об устройстве быта, отношениях в семье и клане. Следуйте традициям, освященным веками, и не задавайте вопросов.

Из комментариев к «Уложению»

Много ли надо милым дамам семидесяти лет, чтобы скрасить досуг? Для этого достаточно всего двух компонентов: молодого любвеобильного соседа-оборотня и хорошего крепкого забора, за которым так удобно подслушивать. И подсматривать — ибо забор имел щели ровно той ширины, чтобы все разглядеть, но не быть обнаруженными.

Этим утром сестры-двойняшки, овдовевшие и на склоне лет поселившиеся вместе в одном из миленьких домиков, которыми была застроена окраина Ве́ншица, столицы государства Эрине́тта, для маскировки чинно пили чай под забором между двумя участками. Скандал, разразившийся у соседа, был прекрасно слышен из распахнутого окна, украшенного резными ставнями.

— ...Мы все уже обсудили, я был с тобой честен, Ви́лда! Дело не в тебе. Я сразу сказал, что свободный волк и мне не нужны семья и дети. Ни сейчас, ни в будущем. Если ты настаиваешь, нам лучше расстаться. Подумай, хочешь ты этого? У нас все было хорошо...

— Как это не нужны деточки?! — возмущенно проговорила одна из бабушек, всплеснув руками.

Вторая только укоризненно покивала — молча, чтобы ничего не пропустить, — и их головы с модными ныне седыми кудряшками снова повернулись к забору.

— Гейб, я думала, у нас нечто большее, чем «хорошо»! — Голос девушки звенел. — Что у нас...

— Любовь? — усмехнулся волк. — Возможно. Ты сама захотела все испортить, заговорив про детей и брак. Я считал, у тебя это пройдет, но ты просто помешалась на этом. Зачем все рушить, Вилли?

— Я все разрушаю? — с еще большим недоумением повторила девушка. — Я?

— Именно, — не отступил оборотень. — Я тебе четко говорил, что не хочу детей и никогда их не заведу. Плач, пеленки, погрызенные тапки, писк, лужи по всему дому, ответственность за кого-то привязчивого... — Волк говорил с отвращением, но голос его все же дрогнул. — Без меня все это, пожалуйста. Почему ты решила, что я могу передумать?

— Потому что, пока я не переехала к тебе, ты никогда не возражал, если я говорила о семье и детях.

Соседкам не было видно, но в голосе волчицы явно чувствовались едва сдерживаемые слезы. Дамы за забором сочувственно переглянулись.

— Ты знал, что у меня большая семья. Знал, что я люблю детей. Ты сам позвал меня жить вместе. Я думала, твое мнение изменилось, потому что у нас все по-настоящему. Что в будущем ты не против детей — я же не заставляю их делать прямо сейчас. Думала, раз у нас настоящая любовь...

— Ну не плачь. — Голос мужчины одновременно был виноватым и раздраженным. — Вилда... я правда хочу быть с тобой. Но без детей!

— Не понимаю: почему?! Гейб, неужели это из-за того, что ты сирота? Я знаю, что для тебя это больно, но...

— Вилли, — прорычал волк. — Я не собираюсь это обсуждать. Я не хочу детей, и точка. Ты прекрасно знаешь, что, пройди мы обряд бракосочетания, ты сможешь забеременеть. Зачем нам это? Почему просто не жить вместе, безопасно заниматься любовью, радовать друг друга? Откажись от этой мысли навсегда, забудем все и будем жить как раньше...

— Так ты меня перед таким выбором ставишь? — глухо проговорила волчица.

Сосед едва не взвыл от раздражения.

— Зачем выбирать? Вот я, весь твой. Зачем нам дети? Зачем нам еще кто-то? Вилли, ну не дури. Иди ко мне.

— Нет. Я опаздываю, лекция через полчаса, — почти неслышно отказалась девушка.

— Хорошо, — выдохнул он с порыкиванием. — Остынь, подумай. Буду ждать тебя после учебы. Мне на дежурство в ночь, поэтому сможем договорить, когда вернешься. Или, может, ты меня уже поняла?

Волчица не ответила.

Хлопнула дверь, мимо простучали каблучки, а в доме не дождавшийся ответа мужчина выругался, раздался звук, будто кулаком ударили по столу.

Старушки затаили дыхание.

Сосед-оборотень поселился в этом доме лет пять назад и спокойно влился в местное пестрое сообщество, ибо жили как в центре столицы, так и здесь, на окраине, представители всех рас многорасовой Эринетты. Он не искал общения, скорее даже был нелюдим, тем не менее уважительно относился к пожилым дамам-людинкам, почти не бегал от их бесконечных вопросов и отвечал с юмором, хотя его нельзя было назвать весельчаком и душой компании.

Как-то раз он заметил, что у домика соседок покосился забор, и сам подправил его, затем снял с яблони их кота... И старушки, прочухав, что сосед явно умеет работать руками, вовсю принялись

использовать его как мужчину: то дверь починить, то трубу переложить. Оборотень с непроизносимым именем Гейбрте́рих никогда не отказывался и, помимо физической подмоги, давал охочим до сплетен тетушкам пищу для фантазий и чесания языком.

Бабульки, в свою очередь, то и дело угощали волка вкусностями и даже иногда по договоренности готовили ему еду на целую неделю, ибо в домашнем хозяйстве сосед был абсолютно беспомощен. Немногие попытки что-либо приготовить неизменно заканчивались чадом от сгоревших кастрюль и сковородок. Вонь и ругань при этом стояли на всю улицу. Выброшенных на помойку кулинарных экспериментов гнушались даже бродячие собаки. Мытье посуды и уборка также не входили в число талантов мейза Гроула. Зато в свободное от работы (и женщин) время он постоянно сидел на крыльце и что-то мастерил из дерева: то стул с чудными завитушками, то набор ложек, то поднос с искусно вырезанными цветами.

— Жену ему надо хорошую, — ворчала мейсис Катерина, наблюдая за холостяцким бытом.

Мысль прижилась и стала, как это водится у сплетниц, материальной. Вскоре вся округа знала, что привлекательный волк, офицер полиции, ищет жену. И кто только не побывал в гостеприимном саду старушек: и дочь булочника, и сестра орка-кузнеца, и даже эльфийки с гномками — из простых, неаристократичных. Но Гейбртерих лишь кивал на звонкие приветствия, отказывался от приглашений старушек выпить чаю, оборачивался и убегал в дом. Или из дому, если дамы были сильно настойчивы.

Нет, иногда он приводил домой женщин, но больше нескольких ночей они не задерживались. Так продолжалось до прошлой зимы.

Вилду Хе́двиг дамы увидели с полгода назад. А с момента, как она переехала к соседу, прошел месяц.

— Как вы познакомились? — словно невзначай спросила как-то мейсис Нина у расслабившейся за

распитием чая волчицы, которую специально пригласили для получения детальной информации из первых уст.

Сестры заинтересованно склонились над столом.

— Они устраивали облаву недалеко от моих финансовых курсов, — ответила Вилда с легкой улыбкой. — Я как раз выходила из университета, и Гейб спас меня из-под колес паромобиля, которым управлял сбежавший от полиции гном-фальшивомонетчик. А я от испуга и неожиданности обернулась в волчицу и прокусила Гейбу руку. Пришла потом в отделение извиняться, а он засмеялся и пошутил: «Прощу, если выпьете со мной грога в кафетерии». Пришлось соглашаться.

И она мечтательно улыбнулась.

Дамы прекрасно помнили, какими счастливыми казались эти двое в начале отношений. Такие красивые и похожие — оба высокие, крепкие, с белыми прядями в черных волосах и с желтыми глазами, как у всех волков-оборотней. Как прямо здесь, в саду, занимались такими непотребствами, что у мейсис Нины розы от стыда розовели. Как спали теплыми ночами на лужайке под окнами, прижавшись шерстяными боками друг к другу, сидели вечерами на качелях в саду и над чем-то смеялись. Из дома постоянно доносились счастливые вздохи, разговоры, хохот.

А в последние дни в доме стало тихо и напряженно; волк был раздраженным и мрачным, волчица — тихой и задумчивой.

— Она такая молоденькая и наивная еще, — с сердцем проговорила мейсис Катерина. — Эх! Все они, мужики, одинаковы, хоть с хвостом, хоть нет.

С самого обеда старушки дожидались развязки, строя предположения и развлекаясь наблюдением за курсирующими туда-сюда дирижаблями: недавно королева Эринетты открыла новый воздушный порт. Когда мимо промелькнула высокая стройная

фигура, обе мейсис были на своем наблюдательном пункте и зорко бдели в заборные щели.

— Ты подумала? — раздался из окна голос соседа.

— А ты? — спросила в ответ волчица.

— Мое мнение не изменилось, Вилли.

— Тогда проговорю для ясности. — Голос девушки был холоден и спокоен, от утренних нервов не осталось ни следа. — Ты ставишь меня перед выбором: либо я навсегда отказываюсь от мыслей о детях и остаюсь с тобой, либо ты хочешь, чтобы я прямо сейчас ушла. Потому что даже через десять лет ты не передумаешь.

— Все верно, — тяжело ответил оборотень.

— Тогда... катись ты к радужным эльфам, Гейб! Ты сам еще эгоистичный ребенок, а не взрослый мужчина. Я собираю вещи.

Через несколько минут на крыльцо выскочила девушка, волоча за собой пухлый саквояж, из щелей которого торчали наспех собранные вещи, и потянула его по дорожке к калитке мимо роз и зеленой лужайки. Сосед вышел следом, остановился, сложив руки на груди. Ноздри его раздувались, как будто он сдерживал рычание.

Сестры переглянулись с взволнованным видом и снова уставились в щель.

— Ты же не пойдешь пешком? Я вызвал тебе такси, — крикнул он вслед.

— Надо же, какая забота, — бросила волчица через плечо. Из глаз ее катились слезы. — Или ты боишься, что я буду сидеть под забором и не уеду, пока не передумаешь?

Она махнула рукой на забор, и бабушки споро присели пониже.

— Я не передумаю, — громко прорычал Гейб. — А ты потом скажешь мне спасибо за честность!

— Спасибо! — с издевкой откликнулась девушка.

— Не верю, что ты уходишь от меня из-за такой ерунды. Значит, я тебе не нужен, а все твои слова о любви — вранье? Ну что же, беги-беги! Найдешь сговорчивого идиота, с которым нарожаешь толпу слюнявых привязчивых щенков!

Девушка вытерла кулаком щеки и внезапно успокоилась. Развернулась. Словно приняла решение и отрезала все ненужное.

— Как ты добр, — проговорила она с горькой насмешкой. — И честен. Настоящий свободный волк, любви которого я недостойна, раз мне нужны щенки. А может, это ты малодушный трус и не достоин моей любви, Гейбртерих Гроул?

— Вилда, не надо драмы, — поморщился Гейб.

— Великий Вожак говорил, что наши страхи нас всегда настигают. — Вилда выпрямилась, голос стал звучным, как удар колокола. — Запомни мои слова: и тебя настигнет твой самый большой страх! Настигнет рано или поздно и будет с тобой до конца твоих дней!

Это прозвучало как проклятие, и Гроул, нахмурившись, сделал движение вперед, словно хотел остановить или что-то сказать, но под вопль клаксона подъехавшего паромобиля девушка подхватила саквояж и почти выбежала из калитки.

Старушки-соседки, уже не таясь, проследили за отъезжающим паромобилем и резво бросились в дом — за шляпками, припудрить носики и отправиться разносить по округе горячую новость.

Гейбртерих Гроул, не оглядываясь, вернулся в опустевший дом. Проклятий он не боялся: мало ли его проклинали, при его-то службе. Однако сердце билось отчаянно и почему-то болело.

— Я все сделал правильно, — проворчал он себе в зеркале в ванной и потер заросшую щетиной щеку. — Абсолютно все. И хватит думать об этом!

Горячий душ и стакан лимонада помогли вернуть самообладание. Через час он, обернувшись в волка

и кивая знакомым и соседям, совершавшим вечерний променад, порысил в центр, в управление полицейской стражи Веншица, где уже два года служил в подразделении быстрого реагирования.

* * *

Первые две недели Гроул бесился, но держался. Затем плюнул и пошел к Вилде в университет — попробовать еще раз поговорить, уговорить, объяснить свою позицию, сказать, что она ему нужна. Но ему сказали, что Вилда Хедвиг две недели назад забрала документы с финансовых курсов. Подруга волчицы, которую он выследил после занятий, на вопрос, не возвращалась ли Вилда в их домик, где они раньше вместе снимали комнату, покачала головой.

Он покрутился по столице еще две недели, пытаясь найти хоть кого-то, кто мог дать нужную информацию. тоскуя и по ночам подвывая на лужайке на луну и пугая соседок. А потом подал заявление на отпуск и рванул на север — туда, где находились земли клана Хедвиг.

Но Гроул успел пробежать по землям клана лишь несколько миль, когда ему навстречу вышли отец и братья Вилды — он видел их фотографии у волчицы. Увы, теплой семейной встречи не вышло. Узнав, кто перед ним, отец взревел: «Так это из-за тебя я не знаю, где сейчас дочь?!»

Сразу за этим последовала драка, и Гроул искренне старался не навредить родне Вилли, ибо она бы его за это по голове не погладила. Сказать по правде, родня Вилли вовсе не боялась ее огорчить, и Гейба знатно потрепали. Чтобы совсем не загрызли, пришлось не остаться в долгу, и Гроул ушел с земель клана на своих четырех, чувствуя на зубах кровь противников и следы чужих зубов на загривке и ляжках.

Он еще долго наводил справки, делал запросы через полицию во все волчьи кланы Эринетты, но

ответа не было. И постепенно Гейб вынужден был смириться. Потихоньку жизнь и работа помогли забыться, оборотень и, убедил себя, что все сделал правильно и все к лучшему, ведь он в любом случае не мог предложить Вилде того, что она заслуживала. Но при мысли о том, что Вилда, возможно, сейчас уже нянчит щенят с мужем, ему становилось так тоскливо, что снова хотелось выть на луну.

— Главное, чтобы была жива, — говорил он себе и занимал руки вырезанием из дерева.

У него с тех пор было много женщин, но ни с одной не было так легко и тепло, как с ней. А постепенно он и вовсе начал предпочитать проводить свободное время на охоте в лесу или за работой с деревом.

Хотя, конечно, куда же здоровому мужику без женских объятий?

Глава вторая, когда исполняются проклятья

Амулеты и заговоры, а также травы и порошки, потребные жене, коли ваш волк закозлил.

Раздел в «Тайной книге оборотниц»

Десять лет спустя

Гейбртерих Гроул почти четыре месяца не спал нормально, не ел и почти не заходил в родное управление. Веншиц совсем недавно пережил массовое поднятие нежити в катакомбах под городом, большую эльфийско-гномскую свадьбу и свадьбу королевы*. Теперь же столица переживала охоту на бандитов.

А все потому, что несколько мафиозных кланов не поделили город и ухитрились устроить на одной из торговых площадей Веншица банальную

---

* Об этих событиях можно прочитать в книге «Беги, а то заколдую!».

разборку с, увы, небанальным применением магии. Все бы ничего, но произошло это ровно в тот день, когда королева Миррей с супругом, бывшим ректором Магической академии, но вполне себе настоящим принцем-консортом, героем и придворным магом магистром Корнелиусом Фраем, отбывала в морской круиз на медовый месяц.

Эринетта была многонациональным государством, а в столице и вовсе причудливо уживались все расы, от гномов до русалок, поэтому и бандитские кланы были разномастные. Однако в тот день по столице скакали совершенно одинаковые разумные лягушки: заклинания противоборствующих магов и общий хаос вошли в резонанс, и бандиты, торговцы и прочие горожане — гномы, эльфы, оборотни, орки и люди — становились одинаково зелеными и квакающими и упрыгивали с площади в разные стороны.

Ко всему прочему, под заклинание попал личный повар королевы. который сам всегда выбирал продукты к столу ее величества и угодил в заварушку по дороге на рынок. Потому-то отъезд пришлось отложить на несколько дней — до того момента, когда ему вернут человеческий облик: а как, скажите на милость, без рук щупать окорока и без зубов пробовать булочки на мягкость?

Также особенно сильные затруднения у магистра вызвало возвращение первоначального облика королевскому виночерпию, уже однажды пострадавшему от магии и довольно долго пугавшему кухонную челядь щупальцами. В силу некоторых его особенностей жаба, в которую он превратился, была нежно-голубого цвета.

Королева была очень недовольна.

— И это значит, что мой медовый месяц откладывается, — выслушав доклад о происшествии на совете министров, резюмировала ее величество, опасно поблескивая клычками на нижней челюсти.

Министр полиции лерд Фритрик упорно и почтительно смотрел на высокую светлую прическу королевы Миррей, ибо ее серые глаза были полны недовольства, а чуть зеленоватая кожа щек — наследие оркских предков — подернулась румянцем гнева. Все уже успели понять, что, несмотря на счастливое замужество и присутствующего тут же супруга, ее величество не разлюбила устраивать подчиненным показательные порки.

Магистр, к слову, в разборе полетов не участвовал — он споро что-то писал на листе бумаги, хмурился, черкал, что-то сам себе говорил вполголоса. Ее величество поглядывала на по-военному статного мужа с ощутимой гордостью, как на победителя степных скачек на овцебыках.

— Мы сделаем все возможное, ваше величество, — пообещал министр полиции, когда королева все же пригвоздила его взглядом к спинке кресла.

— Сделайте и невозможное тоже. — Королева шлепнула сухощавой рукой по столу, и все вздрогнули, будто удар пришелся по чьему-то филею. — Но чтобы к моему дню рождения главарей всех банд арестовали, а город зачистили, — сдвинула она брови. — Я хочу отпраздновать пятьдесят шесть лет в мирной столице, где добрые граждане спокойно ходят на рынок, а преступники строгают табуретки в тюрьмах. Я понятно изложила свои требования?

— Исключительно, ваше величество, — проблеял министр. — Разрешите идти выполнять приказ?

— Идите. Все идите, — раздраженно махнула рукой королева, и потрепанные подданные поспешно удалились.

Министр полиции успел услышать, как заговорил магистр.

— Миррей, — сказал он спокойно, — ну что ты расстроилась? Повара я расколдую, хотя из-за смешения заклятий и хаоса формулу было вывести сложно. Уже сегодня он сможет отбыть на

судно. А мы там будем уже вечером. Переночуем под звездами.

— Я не расстроилась, Корнелиус, я знала, что ты это решишь, — довольно мурлыкнула королева, в которой иногда просыпалась утонченность то ли предков-эльфов, то ли еще какой расы из богатой родословной. — Я просто слегка размялась перед обедом.

Послышались нежные воркования, и последний уходящий поспешно захлопнул дверь, дабы в лягушку не превратили уже его.

Министр, получив нагоняй, передал импульс начальнику столичной полицейской стражи, начальник — главам сыскных отделений. Те уже так накрутили подчиненных, что не успел за королевой с супругом закрыться телепорт на побережье, как раскрываемость повысилась в десять раз, а возможность выспаться и отдохнуть простым стражникам — во столько же раз понизилась.

— Ее величество очень недовольна, что в медовый месяц ее отвлекают разборки кланов, — с чувством сообщил полковник Норминн сыскарям и стражам групп быстрого реагирования. — Поэтому, ребята, мы не спим, не едим и дышим через раз, пока не арестуем всех нарушителей, преступников и подозрительных!

Но Гейб не жаловался: у него был личный зуб на бандитов. В ту самую пору, когда банды решили выяснить отношения, он прогуливался по площади с намерением завернуть в таверну, выпить пива и приглядеться — с прицелом на недалекое будущее — к хорошеньким официанткам. Вместо этого он сначала увидел вспышку зеленого цвета, а затем неделю прыгал лягушкой, ибо магистр Корнелиус расколдовывал только повара да виночерпия, а всех остальных — его ученики, недавно поженившиеся Эбигейл Горни и Натаниэль Вудхаус.

Эти двое не нашли ничего лучше, чем совместить снятие заклятия с практикой студентов магунивер-